

УДК 1.14

ДЖОН СЁРЛ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА И ДЕОНТОЛОГИИ

А.Р. Каримов

Аннотация

В статье на материале концепции Дж. Сёрла рассматривается проблема происхождения языка как ключевая проблема современной аналитической философии языка. Приводится критический анализ концепции Дж. Сёрла, оценка общей ситуации в аналитической философии языка, обсуждаются перспективы ее развития.

Ключевые слова: аналитическая философия языка, происхождение языка, интенциональность, теория значения, натурализм, деонтология.

Крупнейший представитель современной аналитической философии Джон Роджерс Сёрл начинает одну из своих последних статей¹ с высказывания, что величайшие достижения в философии за последние сто лет связаны с философией языка, перечисляя имена Рассела, Витгенштейна, Остина и Куайна [1]. В то же время он отмечает с сожалением, что эти исследователи абстрагировались от природной стороны языка, изучая его в отрыве от биологической природы сознания.

В этих словах можно увидеть отражение серьезного сдвига, который произошёл в аналитической философии языка в последние десятилетия. Сначала философия языка (у Рассела и других представителей логического анализа) была частью логики (трактовавшейся широко как теория познания) и подчинялась ей. Позже в лингвистической философии, идущей от идей «позднего» Витгенштейна и его концепции языковых игр, философия языка стала своеобразной онтологией, вследствие чего аналитическая философия на время соединилась с философией языка, а лингвистическая философия из метода превратилась в определенную систему мира, в которой все элементы (этого мира) являются формами языка. Интересно, что этот холизм имеет все черты сходства с идеалистическими теориями связанности Ф.Г. Брэдли и других представителей английского неогегельянства, которые на первое место в обосновании истинности теории ставили внутренние отношения. Точно так же и языковая реальность в лингвистической философии не имеет выхода «вовне». Конечно, от абсолютного идеализма Брэдли воззрения лингвистических философов отличает отрицание

¹ Тридцатистраничная статья Дж. Сёрла «What is language: some preliminary remarks» появилась в 2006 г. как обобщение мыслей, высказанных им в ходе пленарного доклада на конференции в Берлине, и была опубликована в 2007 г. в книге «John Searle's philosophy of language: force, meaning and mind», Cambridge, N. Y., 2007. В сноске к статье Сёрл отмечает, что она носит предварительный и незавершенный характер. В дальнейшем мы будем делать ссылки на электронную версию этой статьи (см. [1]).

Проблемы философии языка обсуждаются Сёрлом также в других работах (см. [2, 3]).

любых метафизических построений¹. Подобный лингвистический идеализм при содействии философов из лагеря неопрагматистов в итоге закономерно привел к релятивизму Р. Рорти, который, объявив о «лингвистическом повороте» в философии, стал для англо-американского сознания выразителем постмодернистских идей европейских ученых, особенно философии Ж. Деррида.

На этом этапе историю аналитической философии как таковой можно было бы закончить и далее вести речь о «постаналитическом» периоде², но правильнее все же говорить о том, что аналитическая философия сумела ответить на вызов постмодернизма, хотя и претерпела изменения. Однако, по выражению А.Ф. Грязнова, постмодернизм «взбудрил» аналитическую философию [4, с. 366]. В последние десятилетия усилиями реалистов (Н. Гудмена и Х. Патнема), а также некоторых из их противников-неопрагматистов (в частности У.В.О. Куайна, пересмотревшего свои взгляды времен «Слова и объекта», и Д. Дэвидсона в новой интерпретации), к которым присоединились натуралисты (прежде всего сам Дж. Сёрл), был подготовлен новый расцвет аналитической философии³.

Отличительной чертой этого «нового расцвета» стало господство философии сознания – некоего синтеза когнитивных наук и философии. Когнитивная наука, как явление возникшая в 70-х годах XX в., вышла на первый план в философии в последние десятилетия XX в. На этом новом этапе в качестве философов часто выступают лингвисты, психологи, нейрофизиологи, специалисты в области теорий AI (artificial intelligence). Среди ведущих представителей философии сознания в интересующем нас контексте следует упомянуть Дж. Фодора и С. Пинкера. Психолог Дж. Фодор, еще в 1983 г. опубликовавший свою модульную теорию сознания, доказывал, что сознание состоит из модулей и язык является одним из таких автономных модулей, относительно самостоятельным (хотя не полностью) в отношении, например, мышления и других функций сознания.

Классической в этом смысле стала книга американки Р.Г. Милликан, последовательницы Д. Деннета (в числе своих философских авторитетов она называет также Л. Витгенштейна), с характерным названием «Язык, мысль и другие биологические категории», опубликованная в 1984 г. В своей работе Р.Г. Милликан впервые делает попытку создать целостную систему натуралистической теории значения, то есть, по сути, вписать язык в эволюционную теорию. Популярный современный психолингвист С. Пинкер, обосновывая эволюционную теорию происхождения языка, опирается на идеи Н. Хомского об «универсальной грамматике» (на настоящий момент в своем «минималистском» варианте).

¹ Подробнее о концепции Брэдли и развитии аналитической философии смотрите в монографии С.В. Никоненко [5]. Необходимо отметить, что более поздняя аналитическая философия вновь возвращается к метафизической проблематике, например, она затрагивается в концепциях П. Стросона и Б. Страуда.

² Термин «постаналитическая философия» употребляется в различных монографиях, в частности в монографии М.Е. Соболевой, по крайней мере применительно к современной философии языка в Германии, которая, по мнению автора, находится в «постаналитической» стадии развития (см. [6]).

³ На данный момент можно говорить о том, что бытовавший некоторое время назад стереотип, отождествлявший аналитическую философию с неопозитивизмом, разрушен (о том, что аналитическую философию можно рассматривать как наследницу классической философской мысли см. [4, с. 13–28]. О взаимоотношении аналитической философии с постмодернизмом см. также монографию С.В. Никоненко, например: «Призыв к доверию и согласию, выдвинутый Дэвидсоном, одержал в последние десять лет убедительную победу над иронизмом и релятивизмом Рорти» [5, с. 362–383, 413]).

Идея априорных синтаксических структур, заложенных в сознании человека, изначально оказалась весьма продуктивной для развития наук о языке. Кроме того, С. Пинкер выявил несостоятельность многих устоявшихся концепций, в частности теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа [7, с. 51]. На значительном эмпирическом материале С. Пинкер показывает, что двух-трехлетние дети являются «грамматическими гениями» и что никакая среда и никакое обучение не смогут помочь обезьянам и другим животным в освоении языка людей [7, с. 249–283]. Изучение «пиджин-языков», наподобие креольского, также помогло развеять известный миф о «маугли». Выяснилось, что дети, воспитанные в изоляции от взрослых, формируют свой «пиджин-язык», который имеет все основные составляющие «глубинной грамматики» нормального человеческого языка: именную группу, глагольную группу и т. д. На примере изучения различных языковых нарушений С. Пинкер показывает, что дисфункции мозга, влияющие на мышление, могут не оказывать подавляющего воздействия на язык, а наоборот, усложнять его¹.

Дж. Сёрл стоит особняком в этой традиции, несмотря на то что в целом его философия укладывается в рамки аналитической традиции. С другими ведущими аналитиками сознания его объединяет прежде всего стремление изучать это явление научно. Более того, мы можем построить науку о сознании по образцу наук о природе. В этом он, с одной стороны, объединяется с теми, кто видит в когнитивных науках будущее для понимания сознания. Однако, с другой стороны, Дж. Сёрл не принял ни физикализм (материализм), ни функционализм, ни вычислительную теорию сознания, ни эпифеноменализм, называя все их в совокупности попыткой элиминировать сознание. Он также выступил против тех, кто считает качественный характер сознания (*qualia*) неразрешимой проблемой для науки о сознании (Т. Нагель, ранний Ф. Джексон, Д. Чалмерс). Свою позицию Сёрл определяет как монизм, или, точнее, биологический натурализм.

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть основания теории сознания Сёрла², поэтому сосредоточим внимание на том, какие перспективы обнаруживают интересующие нас положения данной теории в плане дальнейшей разработки проблемы генезиса языка.

Традиционная концепция языка строится на следующих утверждениях. Чтобы обладать языком, нужно обладать мышлением, так как языковым высказываниям свойственно иметь значение (*meaning*). Животные обладают мышлением, но они не имеют языка. Чего же им недостает? Традиционный ответ заключается в том, что им не хватает социальной реальности. Язык – это преимущественно социальная реальность, и значения слов устанавливаются коллективно. Вот почему, как считал Витгенштейн, невозможен «личный язык» (*private language*). Ведь тогда мы не могли бы отличать, правильно ли мы используем язык или нет, – эта функция принадлежит обществу. Язык становится

¹ Ср. примеры, когда человек может говорить сложными грамматическими конструкциями, но при этом его речь совершенно бессмысленна, и, наоборот, когда человек, страдающий от нарушения речевой способности, показывает высокие результаты в невербальных тестах на IQ (об этом и других аспектах взаимосвязи речи и мышления см. [7, с. 283–315]).

² См. детальный разбор теории сознания Сёрла в монографии В. Васильева [8, с. 54–105].

частью социальной реальности. Будучи частью социальной реальности, язык также участвует в ее конструировании. Это приводит нас к холизму: язык конструирует социальную реальность, социальная реальность конструирует язык. Круг замкнулся.

Из этого круга представители различных философских традиций пытались найти свой выход. Аналитическую философию этот круг не устраивает по двум очевидным причинам. Первая заключается в том, что в таком виде теория языка отрывается от эволюционной истории человека, от биологии; постулируется непреодолимый разрыв между животными и человеком. Постулат этот имеет последствия и для философии сознания, которая в последние десятилетия пытается сделать философию языка своей частью. Для теории сознания это означает, что поскольку нет никакого индивидуального языка, то нет никакого индивидуального сознания, есть только «мы-сознание». Таким образом, любая форма сознания коллективна: не существует «я верю», «я хочу» и т. д., а только «мы верим», «мы хотим» и т. д. Это фактически означает, что сознание не может быть предметом того, что называется «science», в частности оно выходит из компетенции когнитивных наук и переходит в компетенцию наук социальных (а также религиоведения, искусствоведения и пр.). Именно поэтому вопрос о происхождении языка стал для аналитической философии частью теории сознания.

Вторая проблема касается «внешнего мира». Это классическая проблема соотношения языка и реальности, которая была заново поставлена в период рождения аналитической философии и превратилась в «теорию значения» (reference theory). Изначально она обсуждалась как проблема самореференциальных высказываний (парадокс «Лжец» и т. п.). Позже уже весь язык начал рассматриваться как форма самореференции, что привело к мысли о необходимости отказа от построения любых теорий значения (Куайн, витгенштейнианство). Однако для любой формы современного «реализма» существует реальность, независимая от наблюдателя.

Таким образом, перед аналитической философией встала трудная задача встроить философию языка в современную философию сознания, с одной стороны, и в эпистемологию, с другой. Попыткой внести вклад в решение этих проблем и является обсуждаемая концепция Дж. Сёрла.

Дж. Сёрл о происхождении языка: как рождается смысл?

Упомянутую статью [1] Дж. Сёрл начинает с рассмотрения проблемы значения, основной в философии языка, и отмечает, что значение языковых выражений является продолжением (extension) биологически фундаментальных форм интенциональности – желания, восприятия и других. Мы должны увидеть биологические основания языка в долингвистических формах интенциональности. Споря с Д. Дэвидсоном, который утверждал, что только существа, обладающие языком, могут иметь такие интенциональные состояния, как верования (belief) или желания, Сёрл доказывает обратное: животные обладают этими и другими первичными интенциями, на основе которых эволюционировал человеческий язык. В первом параграфе он формулирует свой вопрос следующим образом: «Поскольку человеческие сообщества отличаются от сообществ животных,

то какие из этих различий и насколько обусловлены существованием человеческих языков?» [1, с. 1].

Далее Сёрл исследует, в чем состоит особенность человеческого языка, и, следуя традиционному разделению на фонологию, семантику и синтаксис, уделяет особое внимание последнему. Три основных принципа, по которым синтаксис организует семантику, – это дискретность, композиция и генеративность. Принцип дискретности состоит в том, что слова, входя в состав предложения, сохраняют свою тождественность. Принцип композиции дополняет принцип дискретности в том, что значение целого предложения зависит не только от входящих в него слов, но и от их положения в составе синтаксической конструкции. Генеративность означает способность из конечного числа элементов языка порождать бесконечное множество предложений.

Здесь Сёрл отмечает, что подобный, традиционно принятый в лингвистике анализ не затрагивает главного в языке – его общественного характера. И хотя социальный характер языка кажется тривиальным фактом, Сёрл упрекает авторов социальных теорий от Аристотеля до Хабермаса в том, что они берут язык как данное, заранее предполагают существование языка и в дальнейшем анализируют социальные феномены, исходя из этой предпосылки. Особенно он выделяет теорию общественного договора, которая спрашивает о том, как существа, обладающие языком, могут построить общество на основе договора. Обсуждая этот вопрос, Сёрл говорит, что наличие общего языка уже свидетельствует о существовании общественного договора.

В связи с вышеизложенным Сёрл ставит вопрос о происхождении языка. Примечательно то, каким образом он собирается построить свое рассуждение. Мы не можем реконструировать реальную историю эволюции языка (выкопать останки и спросить у них), но мы можем построить логическую модель этого эволюционного процесса. Мы можем поставить вопрос, какие логические свойства языка приобрели наши предки, какие познавательные механизмы должны были развиться, чтобы появился язык, и т. п. Подобный логический анализ (как метод, а не как концепция) является характерным для всей аналитической философии.

Чтобы ответить на вопрос о происхождении языка, необходимо исследовать, какими когнитивными ресурсами уже могли обладать гоминиды и в связи с этим какие функции должен выполнять язык с учетом наличия у гоминидов этих ресурсов. Сёрл перечисляет долингвистические интенциональные состояния, в число которых включает и верования. Последнее кажется несколько непривычным, но Сёрл убежден, что животные имеют верования. И если собака лает, когда кто-то подошел к двери, можно сказать, что она имеет следующее верование: «Кто-то подошел к двери». Эти интенциональные состояния имеют то, что можно назвать условиями выполнения, то есть те обстоятельства, при которых можно будет достигнуть успеха или потерпеть неудачу. Условия выполнения заложены в самих интенциональных состояниях. Животные способны определить, когда эти условия выполнены, а когда нет. Например, желание удовлетворить чувство голода может быть либо исполнено, либо нет. Таким образом, полагает Сёрл, животные обладают ментальными репрезентациями

с пропозициональным содержанием (нелингвистического характера) и условиями их выполнения.

Животные, доказывает Сёрл, могут не только испытывать определенные примитивные ментальные состояния, такие, как желания, страх и т. п. Сверх этого, они знакомы с абстрактными понятиями. «Любое животное, имеющее этот биологически примитивный аппарат интенциональных состояний, обладает также и приличным набором философских категорий (например, аристотелевских или кантовских)» [1, с. 7], а именно: пространство, время, причинность, субъект, объект, тождество, различие, свойство и отношение. Это не означает, говорит Сёрл, что животные имеют понятия об этих категориях, но они различают, что объекты находятся слева или справа от них (пространство), что кормежка была до или после (время), что некоторые вещи, которые они делают, вызывают другие вещи (каузация), что они воспринимают объект как тот же самый, что и раньше (тождество), и в то же время как отличающийся от других объектов (различие).

Чего же недостает животному? По Сёрлу, ему не хватает внутренне контролируемых процессов мыслительной деятельности. Животное может воспринимать и полагать ситуацию, которую мы могли бы обозначить как «Кто-то подошел к двери». Однако по сравнению с нами животное не может отличить это от ситуации «Дверь есть то, к чему кто-то подошел». Животное не способно манипулировать синтаксическими структурами, которыми мы пользуемся. Оно ограничено физиологией восприятия.

Между долингвистическими структурами и структурами языка существует, таким образом, определенный разрыв. В то же время Сёрл отмечает и общие их черты. В первую очередь это то, что называется «направлением соответствия» (*direction of fit*), которым обладают как интенциональные состояния, так и, соответственно, выражения языка. Например, в верованиях отражается направление соответствия от сознания к миру, а в желаниях – наоборот: от мира к сознанию. Структуре языкового выражения $F(p)$, где F – это иллокутивная функция высказывания, а p – его пропозициональное содержание, соответствует структура интенционального состояния $S(p)$, где S – это интенциональное отношение и p – пропозициональное содержание этого состояния. Переход от второго к первому и составляет главную проблему, для решения которой важно наличие у обеих структур условий выполнимости и направления соответствия.

В анализе различных речевых актов Сёрл особо выделяет декларативные высказывания. Если сожаление можно разбить на простые части, такие, как верование, что нечто произошло, и желание того, чтобы это не случилось, то декларативные высказывания обладают особым свойством – у них двойное направление соответствия. Они создают реальность в ходе высказывания и одновременно с этим высказыванием репрезентируют реальность. Например, выражением «Сим объявляю собрание открытым» создается такая внеязыковая реальность, как собрание. Сёрл отмечает, что подобному нет аналогов у животных.

Другая проблема, с которой сталкивается Дж. Сёрл, – это проблема единства речевого высказывания и его дискретности. Высказывание состоит из дискретных единиц, слов, но в то же время обладает внутренним единством. В чем же основание этого единства и дискретности? Сёрл отмечает, что прежде всего

внутренним единством обладают интенциональные состояния, они «континуальны». Когда я говорю «Я хочу пойти в супермаркет», то, хотя это выражение состоит из дискретных речевых единиц, соответствующее ему ментальное состояние «хотение-пойти-в-супермаркет» внутренне едино и не делимо. Таким образом, на долингвистическом уровне проблема единства не возникает. Внутреннему единству интенционального состояния соответствует внутреннее единство реальности, к которой оно относится. В то же время, поскольку животные, как мы ранее отметили, обладают категориями тождества, различия и объекта, этот аппарат в принципе является основой для появления дискретности в языке. Мы находим в восприятии, что дела обстоят так-то и так-то, и в то же время видим, что восприятие относится к определенному «этому» объекту. Мы можем мысленно представить язык, в котором нет имен существительных или они не имеют значения. Это легко сделать, имея в виду английский язык, в котором возможны фразы типа «It is raining» (букв. «дождит»), в которой «It» (*теперь – в современном языке*) не имеет никакого значения и выполняет чисто грамматическую функцию. По аналогии можно такие высказывания, как: «Это есть дерево», перевести в форму чего-то вроде: «Здесь деревит» (как бы грамматично это ни звучало). Однако, отмечает Сёрл, это бы противоречило феноменологии нашего восприятия, которое выделяет дискретные объекты.

Для того чтобы установить, какие структуры возникли в процессе эволюции языка, необходимо определить его основные функции. Среди них Сёрл на первое место ставит коммуникативную функцию. Что сообщается в ходе общения? Прежде всего интенциональные состояния. Это очевидно для междометий и таких экспрессивных выражений, как «Чёрт возьми!». Однако более важно, что в ходе коммуникации мы передаем собеседникам не только наше внутреннее состояние, но и определенную информацию о внешнем мире, то есть пропозициональное содержание наших ментальных состояний. В реальном языке такие предложения могут состоять из одного слова, например: «Огонь!», «Дождь!» и т. д. Однако аналоги этого есть уже у животных: крики птиц, обозначающие опасность, или даже простой пример лаяния собак. И хотя подобное поведение наблюдается почти у всех животных, этого еще недостаточно для возникновения языка, что доказывается как раз фактом всеобщности подобной функции у животных, притом что ни одно из них тем не менее не может разговаривать. Причина состоит в том, что у животных нет конвенциональных приемов, с помощью которых мы вводим языковые выражения. Лай собак не является способом выражения ментального состояния собаки по конвенции. Собака просто лает, потому что ей свойственно лаять, а не блеять. В этом, по Сёрлу, фундаментальная разница между экспрессивной и репрезентативной функциями языка. Когда я восклицаю «Ой!», это спонтанная реакция организма. А когда я говорю «Дождь!», то сообщаю нечто о мире, мое высказывание имеет определенное интенциональное отношение. Таким образом, вопрос трансформируется в проблему: «Каким образом гоминиды развили языковые репрезентации?». Именно для последних свойственно быть истинными или ложными, тогда как подобное нельзя сказать об экспрессивных выражениях. Сёрл считает, что животные уже обладают тем, что можно назвать «метками» (tokens) для обозначения определенного состояния дел в мире. Разница состоит

в том, по-видимому, что животные пользуются подобными метками ненамеренно, в отличие от нас.

Когда мы просто выражаем нечто в высказывании (например, в экспрессивном), то можно сказать, что продуцирование высказывания является условием выполнимости для внутренних ментальных состояний. В то же время, когда мы конструируем значимые (meaningful) предложения, мы репрезентируем реальность, что является дополнительным условием выполнимости уже для ментальных состояний. В итоге язык отличается тем, что накладывает условия выполнимости на условия выполнимости, что придает значение языковым выражениям. Эта двухуровневая структура интенциональности существенна для человеческого языка. На первом уровне мы намеренно производим определенные высказывания, на втором уровне эти высказывания репрезентируют нечто. И для того чтобы такая структура возникла, необходимо два условия: 1) должны существовать определенные механизмы конвенции, имеющие общественный характер; 2) эти механизмы должны обладать свойством воспроизводимости, повторяемости в различных обстоятельствах.

В таком случае появление грамматики можно считать второстепенным делом, поскольку ее основы, по Сёрлу, заложены уже в долингвистических структурах, в том, что мы можем выделять в наших интенциональных состояниях объекты, свойства и отношения, соответствующие функциям существительного, прилагательного, глагола и т. д. У животных есть, так сказать, строительный материал для конструирования предложений языка, но им не хватает инструментов, механизмов символического изображения, чтобы создать язык. В чем заключается ключевое, по мнению Сёрла, качество языковых выражений, которое отличает язык от его долингвистических предструктур? В ходе исследования данной проблемы Сёрл вводит социальный элемент и понятие деонтологии.

Дело не только в том, что наши высказывания репрезентируют нечто в мире. Информация, которую выдает компьютер, или спонтанный крик животного тоже репрезентируют нечто о мире. Сёрл отмечает, что любое высказывание человеческого языка обладает социальным обязательством (commitment). Когда я строю определенное констативное высказывание, например «Сейчас идет дождь», я не просто репрезентирую некую ситуацию, я утверждаю это и тем самым беру на себя некое обязательство в отношении истинности этого высказывания. Тем более это касается перформативов, таких, как «Я обещаю, что...», в которых я беру на себя социальное обязательство выполнить данное обещание (при этом не важно, искренне дается обещание или нет). «Если говорящий намеренно доводит до собеседника информацию, используя социально признанные соглашения с целью вызвать у собеседника верования относительно определенного положения дел в мире, то говорящий берет на себя ответственность за истину данного высказывания» [1, с. 23]. Компьютер не берет на себя обязательства по поводу истинности своих вычислений.

Как возникают эти социальные обязательства? На это Сёрл не готов дать ответа. Существует искушение ответить, что социальные обязательства конститутивно присущи высказываниям. Допустим, существует некое правило, согласно которому сказать *X* в контексте *Y* означает *C*, то есть принятие социального обязательства. Но откуда, спрашивает Сёрл, берется подобное правило?

Сёрл возражает тем, кто считает деонтическую составляющую чем-то внешним по отношению к высказыванию (П. Грайс, Д. Льюис и др.). Речевому акту внутренне присуще подобное обязательство, и без этого обязательства его нельзя было бы назвать речевым актом. Сущность акта сводится к тому, чтобы быть публичным, общественным действием. Обладание значением, конвенции, грамматика – всего этого недостаточно для понимания языка. Для различных иллюкутивных актов необходимо, чтобы говорящий брал на себя обязательство по отношению к своему высказыванию.

Дж. Сёрл расширяет данное положение для объяснения социальной реальности в целом. Когда мы говорим «Этот человек – наш лидер», «Это мой дом», «Это моя жена», мы тем самым устанавливаем определенные социальные отношения, в данном случае отношения социальной иерархии, собственности и отношения полов. Когда человек говорит «Это моя собственность», он не просто выражает некоторое положение дел, он тем самым создает определенную социальную реальность (в случае, если его притязания будут признаны другими членами языкового сообщества). «Язык не описывает, он создает и частично конституирует то, что описывает» [1, с. 26]. Таким образом, речевой акт как бы перманентно приклеивается к объекту и становится его частью для нас.

Обозревая в заключении свое рассуждение, Сёрл выделяет шесть шагов в своей аргументации:

- 1) животные обладают сознанием и долингвистической интенциональностью;
- 2) пропозициональным содержанием их интенциональных состояний является репрезентация определенного положения дел в мире;
- 3) для того чтобы стать языком, эти интенциональные структуры должны получить конвенциональное выражение, то есть должна возникнуть «коллективная интенциональность»;
- 4) должна возникнуть способность разбивать репрезентации на грамматически значимые элементы, которыми можно было бы свободно манипулировать;
- 5) центральная идея заключается в том, что сущность языка, его публичного характера задается наличием обязательств, которые придают деонтологический характер любым значимым языковым выражениям;
- 6) эти социальные обязательства в языке создают социальную реальность в форме таких институтов, как деньги, правительство, брак и т. д.

Проблемы и перспективы: к новой философии языка

Споры по поводу наличия/отсутствия мышления и языка у животных не утихают до сих пор. Две противоборствующие точки зрения, а именно: «теория разрыва» (gap), то есть уникальности человеческого языка, и теория постепенного перехода в процессе эволюции от коммуникации животных к человеческому языку – являются предметом жарких дебатов психологов, лингвистов, философов. Вторая теория опирается прежде всего на исследования в области нейробиологии. Биологи уверены, что высшие животные обладают какой-то формой сознания, но остается тайной, как далеко по филогенетической шкале заходит эта способность. (Например, обладают ли сознанием улитки, блохи

и т. д.?)¹ Вот почему основной задачей является определение того, где находится разрыв, на каком этапе эволюционной истории появляется человеческий язык и насколько он является «разрывом», то есть может ли в нем быть заложен переход от сознания животных к человеческому сознанию? Обсуждаемая концепция Дж. Сёрла концентрируется прежде всего на проблеме прояснения того, какие именно логические ступени эволюционного развития должны были пройти гоминиды и что именно отличает человеческий язык. Однако мы еще далеки от какой-либо окончательной теории по данному вопросу, что отмечает сам Сёрл, перечисляя некоторые слабые положения своего подхода.

В частности, это касается его идеи о том, что животные могут иметь некие верования долингвистического характера, чем постулируется, что мышление может существовать до языка и независимо от него. Сёрл цитирует Дж. Фодора, который утверждал, что мышление само требует лингвистического синтаксиса и что для появления речевого языка в сознании уже должен быть заложен «мысленный язык», который обладает глубинной грамматикой, присущей любому человеческому языку. Это рассуждение Сёрл, на наш взгляд, слишком легко отмечает ссылкой на очевидный для него факт, что собака имеет верования [1, с. 11]. Но как узнает об этом Сёрл? То, что собака виляет хвостом, лает и демонстрирует другие признаки сознания, ничего не доказывает. С этим Сёрл соглашается. Он пытается аргументировать свою позицию следующим образом: поскольку структура мозга высших животных во многом подобна структуре нашего мозга, то отсюда мы делаем вывод, что животные (по крайней мере биологически) приспособлены к тому, чтобы обладать сознанием, что подтверждают, например, эксперименты с обучением языку шимпанзе. Это допущение, безусловно, нельзя опровергнуть логически.

То же касается и утверждения Сёрла о наличии у животных категорий пространства, объекта и др., которые являются, по его мнению, долингвистическим фундаментом для появления глубинной грамматики с ее категориями именной группы, глагольной группы и т. д. [1, с. 10]. Дерево растет вверх, а камень падает вниз, но из этого нельзя вывести, что они обладают соответствующей категорией пространства. Мы не допускаем, что Сёрл мог иметь в виду, что деревья и камни обладают понятиями. Однако, чтобы избежать возникновения этого нежелательного вывода, ему необходимо дать более ясное и четкое определение того, в каком смысле он приписывает животным обладание категорией пространства, вытекающее, по его мнению, из того, что по ощущениям они различают верх и низ, право и лево. Здесь, на наш взгляд, нужно разграничивать прагматическую и эпистемическую установки сознания. Если животные и обладают прагматической установкой, то есть различают отношения пространства в рамках эволюционного приспособления к окружающему миру, то эпистемическая установка, то есть формулирование соответствующих категорий, присуща только человеку (причем даже не любому, а только философствующему).

Другое затруднение касается проблемы подразумевания (*meaning*). Сёрл отмечает, что отличительная особенность языковых выражений (в отличие

¹ Ср. известные опыты с открытием самостимуляции у улиток, что свидетельствует о наличии у них феноменального (квалитативного) сознания.

от болтовни попугая) заключается в том, что говорящий, высказывая нечто о чем-то, подразумевает это. Функцию подразумевания у животных выполняют, по мнению Сёрла, определенные метки (tokens) [1, с. 17–18]. Животные пользуются ими ненамеренно. Однако в каком смысле можно ненамеренно (имеется в виду отсутствие не только конкретного намерения, но всякого намерения вообще) подразумевать нечто? На наш взгляд, здесь есть определенное противоречие терминологического характера. Можно ли сказать в отношении языка животных, что криками они не просто выражают свои состояния, но и подразумевают их?

Переходя к ключевому моменту – собственно к рождению смысла, нужно отметить, что Сёрл в данном вопросе намеренно туманен. То, что он не дает ответа, показательно в нескольких аспектах. Первый, на наш взгляд, заключается в том, что истолкование понятия «интенциональность» как натуралистического феномена не решает проблемы «разрыва» в возникновении языка¹. Во-вторых, в целом позитивно относясь к привлечению Сёрлом социально-философской проблематики к решению данной проблемы, необходимо заметить, что, несмотря на все положительные моменты, его концепция деонтологии остается неким языковым эпифеноменом, не связанным с биологической основой². Как следствие, проблема происхождения языка вполне может быть объявлена, если перефразировать соответствующее высказывание Д. Чалмерса, «трудной проблемой» философии языка, или проблемой, не имеющей очевидных перспектив решения (что, кстати, делает ее проблемой философской, а не частнонаучной).

Впрочем, определенные перспективы у разработки данной проблемы есть. Правда, ее нельзя решить, по выражению Гегеля, выстрелом из пистолета, а нужно действовать последовательно. Эти решения находятся, как кажется, в двух плоскостях. Во-первых, можно получить поддержку «снизу», со стороны когнитивной науки: это изучение зоосемиотической системы коммуникации, развития довербальных детей³, а также лингвистические концепции происхождения языка, например гипотеза рекурсивных правил⁴. Во-вторых, «сверху», со стороны философии языка, может также прийти помощь: это поиски новых философских подходов. Возможной перспективой следует признать объединение двух оппонирующих концепций, холизма и натурализма, и создание чего-то вроде натуралистического холизма в теории значения. Истоки такого понимания можно найти еще у Л. Витгенштейна, который рассматривал язык как форму жизни. Однако такой поворот в рамках существующих подходов в аналитической философии представляется маловероятным. Это ставит проблему направления развития аналитической философии языка в целом. И здесь хочется отметить справедливость следующего замечания В. Васильева: «современная философия языка нуждается в глубоком реформировании, которое надо начинать с чистого листа – экстенсивное развитие здесь затруднено» [8, с. 189].

¹ То, что Сёрл также не решает проблему трансцендентализма сознания с помощью концепции интенциональности (см. [9]).

² О натуралистической трактовке социальной реальности см. также концепцию мемов, которую в современной аналитической философии развивают Д. Деннет и его ученица С. Блэкмор.

³ См., в частности, сборник [10].

⁴ Там же см. статью Т.В. Черниговской «Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила?» [10, с. 395–408].

Summary

A.R. Karimov. John Searle on Language Origin and Deontology.

The article deals with the problem of the origin of language as a key problem of modern analytical philosophy of language on the material of J. Searle's concept. A critical survey of J. Searle's concept is made along with assessment of the general situation in the philosophy of language and its development perspectives.

Key words: analytical philosophy of language, origin of language, intentionality, theory of meaning, naturalism, deontology.

Литература

1. *Searle J.* What is language: some preliminary remarks // Сайт университета Беркли, Калифорния. – URL: <http://ist-socrates.berkeley.edu/~jsearle/whatislanguage.pdf>, свободный.
2. *Searle J.R.* Consciousness and language. – N. Y., 2002. – 269 p.
3. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the Real World. – N. Y., 1999. – 180 p.
4. *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. – М.: Высш. шк., 2006. – 375 с.
5. *Никоненко С.В.* Аналитическая философия: основные концепции. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 546 с.
6. *Соболева М.Е.* Философия как «критика языка» в Германии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 412 с.
7. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. – М.: Либроком, 2009. – 456 с.
8. *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
9. *Ладов В.А.* Интенциональность в философии Д. Сёрла // Электронная библиотека Ин-та философии РАН. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/ladov/inten2.htm>, свободный.
10. Разумное поведение и язык / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – 416 с.

Поступила в редакцию
26.10.09

Каримов Артур Равилевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.
E-mail: aquium@yandex.ru